

JASON MORAN —

Джаз

против технологии

На его счету уже четыре альбома: «Human Motion», «Facing Left», «Black Stars», «Modernistic». Все они выбиваются из «формата» фирмы звукозаписи **Blue Note**. Как и положено жителю Нью-Йорка, Моран — модернист до мозга костей. А еще он мелодист-экспериментатор — тогда как фирма-издатель славится чисто английским консерватизмом.

Моран попал в поле зрения любителей джаза относительно недавно, когда его пьеса «The Sun at Midnight» (из альбома «Black Stars» 2001) получила признание и стимулировала «звездный» коммерческий статус исполнителя как «нового Триоффаза». Звучание его инструмента исключительно агрессивно, эклектично и в то же время неповторимо. Произведения Морана — это пьесы для клавишных с оркестром в сопровождении бас-гитариста Тауруса Матина и барабанщика Нашита Вейтса. В пьесы «встроены» темы Шумана и Брамса, фривольные «страйды» Джеймса Джонсона, рэп Африка Бомбаты, атональные кадансы Джона Кейджа, эрзац-фальш кабацкого тапера, типичный хип-хоп, электронные лупы, сэмплы, наложения, препарированная ритмика, случайные реверсивные записи и Бог весть что еще. Моран утверждает, что интегрирует весь опыт, манеру и стили в истории фортепианной игры, отдавая предпочтение фри-джазу, эклектике и модернизму, но, по мнению критиков, ни один из терминов не исчерпывает его позиции в современном джазе.

Первое впечатление от игры модернистов-джазменов такого рода — их подчеркнутая технологичность, типичная для «цифровой музыки» и ненавидимая влиятельными поборниками джаз-традиций. Таких, как Моран, с равным успехом можно отлучить, предать анафеме — либо благословить. Аудиофилы охотно соглашаются, что музыка Морана создана прежде всего для больших систем с объемным звучанием, а сам Дж.Моран — большой гурман звука и знаток интонирования. Не оттого ли в записи партии кабацкого пианино он получил такое грязное и смачное звучание?

ВМ: Ваш последний альбом «Modernistic» носит вызывающее название и в плане стиля «швыряет перчатку» фирмам-консерваторам **Blue Note**, **Verve**, **RCA Victor**, соблюдающим традиции в технике звукозаписи, в стандартах воспроизведения и, разумеется, в исполнении. Что это? Попытка окончательно оторвать джаз от «ламповиков»?

ДМ: Как многие американские артисты, я не собираюсь своей музыкой оскорблять кого-либо. Музыка — всего лишь экспрессия, проекция моего «я», и больше ничего. Даже мои партнеры, продюсеры не имеют прав на собственную «проекцию» в ней. Набор элементов в этой музыке подчинен моим стремлениям, они теряют корни, взяты ли они из классики, хип-хопа, фри-джаза, рэгтайма или откуда-то еще. Джаз постоянно эволюционирует: гармоническая структура со временем уплотняется, ритмический рисунок усложняется, но при этом практически все современные исполнители джаза вписывают в одну из «школ», основанных в «золотой» период между 1930

Беседовал
Владимир Мандрыкин

и 1960. Я хочу быть исключением из этого правила. Даже такой классический пример, как пианист Андрэ Превин (любимый коллекционерами усилителей *Macintosh* и изгоев-тюнерами акустики *Tannoy*), несет в себе заряд нонконформизма. Именно это сделало его желанным и образцовым, сделав его «школой». Я не использую его наследие, но, безусловно, учитываю его опыт и настрой. Я понимаю пристрастие аудиофилов к старому джазу эпохи ламповых аналоговых студий, но сам джаз давно уже порвал с этим. Почти все артисты записываются в цифре, она порождает отчетливое кристаллическое звучание, которого не найти в прежнем джазе. Пусть музыка потеряла былую теплоту звучания — это не повод для горечи. Мне кажется, слушатели вообще чрезмерно чувствительны к технологии записи. Артист исполнит свою музыку независимо от той или иной студийной технологии. Студия никогда не будет диктовать артисту — скорее, происходит обратное. Штокгаузен, Баббит, Кейдж были действительно пионерами в звукоизвлечении задолго до появления цифровых аппаратов. Я не претендую на их роль. Все, что я делаю, в основном сводится к исполнению и записи «в реальном времени».

ВМ: Какие hi-tech-приемы и ходы импонируют Вам в студии и на сцене?

ДМ: На концерте я по обыкновению запускаю мини-дисковые записи через качественную систему, причем сэмплирую все, что угодно, но всегда обхожусь без изменения скорости или реверберационных эффектов, чтобы не уподобиться ди-джею в клубе и не превратить аудиторию в танцовщую толпу. Я бы назвал свои приемы «кокохудожественными». Я не вызываю пламя из рояля, не мечу молнии с потолка зала, стараюсь не изобретать новых технологий и не превращать концерт в перфоманс. Я придерживаюсь известных эстетических рамок и ищу пути к новой эс-

тадной концепции осторожно и осмотрительно. Мне нужно эмоциональное воздействие «живой» игры на аудиторию в зале или на слушателя моего диска.

ВМ: Какое фортепиано Вы предпочитаете и почему?

ДМ: Ничего лучше *Steinway* я не знаю. Эта фирма очень последовательна и надежна в производстве инструментов, обладающих глубоким, густым и темноватым звучанием. Чаще мое фортепиано доминирует и обязано «выпадать» из состава. Иногда ему необходимо переключаться на партию струнных или сливаться с оркестром. Моя музыка разнообразна, и *Steinway* оказывается на высоте.

ВМ: Не думали ли Вы о включении своего голоса как скэт-вокала?

ДМ: Мой голос? Я даже не подозреваю о его существовании.

ВМ: Учитываете ли Вы воспроизведение тракт слушателя?

ДМ: По-моему, моя музыка прозвучит на любой аппаратуре. На более качественной просто можно расслышать еще и соприкоснение ноги с педалью, пальцев с клавишами, дыхание. Слушатель делает свой выбор — так же, как мы выбираем цифровую или аналоговую студию записи. У меня дома стоит усилитель и проигрыватель «натурального звучания» *Yamaha*, мини-дисковая дека *Sony*, старые добрые колонки *Klipsch Oak*. Собираюсь обзавестись и *surround*-ом, но вряд ли это увеличит удовольствие, получаемое от музыки.

ВМ: Что Вы думаете об аудиотехнике?

ДМ: Я пробовал слушать одну и ту же программу на разных системах, потом «ловить» ее по FM-радио и даже на кар-аудио — воздействие было равным по силе. Это лишний раз подтверждает мой тезис, что хорошему исполнителю не важна цепочка компонентов и технологий, будь то студия или домашняя система. Разумеется, сочетание отличного музыканта и отличного звука инженера — превосходная вещь.

Как много музыки страдает из-за плохих звукоинженеров!

ВМ: Я убежден, что цифровая технология разрывает музыкальную «нить», регистрирует далеко не на все эмоциональные нюансы и вносит спорную прохладу в звучание джаза. Я также убежден, что при всех своих пороках старые аналоговые записи традиционного джаза создают ни с чем не сравнимую атмосферу. Джаз станет первым жанром, который отметит модернистские и цифровые «штучки» и вернется в лоно аналога.

ДМ: Не согласен! Мои первые два альбома записывались целиком в аналоге, последние два были цифровыми, и я повторяю, что выбор здесь — целиком прерогатива музыканта, но не слушателя. Я категорически отрицаю, что качество ленты имело хоть какое-то отношение к эмоциональности музыкальных записей или к гениальности, например, Гленна Гулда (*Glenn Gould*) или Владимира Горовицца (*Vladimir Horowitz*). Я слышал записи рабочих песен славян — сборщиков урожая, сделанные на очень плохом магнитофоне, и эмоциональный эффект был потрясающим: они трогали до слез. Поэтому цифра или аналог, плохое слитное или хорошее разборчивое качество звучания не меняют ничего для талантливых исполнителей и понимающих слушателей. С помощью цифровой динамики бестолковые поп-исполнители могут замаскировать свои огрехи и произвести хорошее впечатление на недалекого слушателя, но и то ненадолго. Сейчас благодаря возможностям современных студийных обработок «немузыканты» могут выпускать свои записи с очень убедительным звучанием. Это свидетельствует скорее о развитии музыкальной культуры, чем о прогрессе технологий. Банальное сегодня дотягивает до признанных стандартов, а удивительное — до высот авангарда, но при чем здесь мы с вами?